Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (28), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-90-116
https://elibrary.ru/IFHLVK

© 2024. Елена Сафронова
Высшая школа народных искусств, Санкт-Петербург, Россия
Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия

Крокодилиада Ф.М. Достоевского: генезис и эволюция темы

© 2024. Elena Yu. Safronova
Higher School of Folk Arts, St. Petersburg, Russia
Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russia

Crocodiliada by Fyodor Dostoevsky: Genesis and Evolution of the Theme

Информация об авторе: Елена Юрьевна Сафронова, доктор филологических наук, декан факультета традиционных художественных промыслов, Высшая школа народных искусств (академия) (ФГБОУ ВО ВШНИ), наб. канала Грибоедова, д. 2, лит. А, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры «Русский и иностранные языки», Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Московский пр., д. 9, 190031 г. Санкт-Петербург, Россия.

https://orcid.org/0000-0002-7245-9174

E-mail: esafr@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается генезис заглавной метафоры сатирической повести Достоевского «Крокодил», предлагается гипотеза, согласно которой одним из источников произведения являются сибирские впечатления автора, а точнее — посещение Краеведческого музея города Барнаула в 1856–57 годах. Рассказ об основателе музея Ф.В. Геблере и просмотр редчайшего по тому времени экспоната — чучела крокодила-аллигатора и вся естественнонаучная среда сибирского опыта Достоевского были актуализованы реальным событием культурной жизни Санкт-Петербурга 1865 года — показом в Пассаже живых крокодилов гастролером-немцем. Фантастические события комической повести «Крокодил» рождаются как интерференция сибирских и петербургских впечатлений, ветхозаветных и литературных аллюзий, а также автопародийной нарративной стратегии. Под условной фигурой «одного господина известных лет и известной наружности» скрывается не Н.Г. Чернышевский или М.Е. Салтыков-Щедрин, как принято считать, а скорее «прячется» сам Достоевский. Образ Афанасия Матвича имеет черты автопародии: занятие

литературой, уверенность в блистательной карьере, упоминание Сократа и Фурье, эгоизм, мечты о загранице, легкомысленное поведение подававшего надежды человека являются криптопародийными отсылками к сатирически осмысленной собственной биографии. В статье также доказывается внутреннее тематическое и образное родство комических текстов писателя: повестей «Дядюшкин сон», «Крокодил» и романа «Село Степанчиково и его обитатели».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, сатирическая повесть, «Крокодил», автопародия, Алтайский государственный краеведческий музей, Ф.В. Геблер, П.П. Семенов (Тянь-Шанский).

Для цитирования: *Сафронова Е.Ю.* Крокодилиада Ф.М. Достоевского: генезис и эволюция темы // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28). С. 90–116. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-90-116

Information about the author: Elena Yu. Safronova, PhD in Philology, Dean of the Faculty of Traditional Arts and Crafts, Higher School of Folk Arts (Academy), Griboyedov Canal Embankment, 2A, 191186 St. Petersburg, Russia; Professor, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Department of Russian and Foreign Languages, Moskovsky prospect, 9, 190031 St. Petersburg, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-7245-9174

E-mail: esafr@mail.ru

Abstract: The article examines the genesis of the titular metaphor in Dostoevsky's satirical work "The Crocodile" and proposes a hypothesis that one of its sources lies in the author's Siberian experiences — specifically, his visit to the Museum of Local Lore in Barnaul in 1856–1857. During this visit, Dostoevsky got to know the story about the museum's founder, F.V. Gebler, and observed a rare exhibit of the time: a stuffed alligator crocodile. This, along with the broader natural science context of Dostoevsky's Siberian period, found a new cultural resonance in St. Petersburg in 1865, when live crocodiles were displayed in the Passage by a German showman. The fantastic elements of the comic tale emerge as an interplay of these Siberian and St. Petersburg impressions, Old Testament and literary allusions, and a narrative strategy of self-parody. Contrary to traditional interpretations that identify N.G. Chernyshevsky or Saltykov-Shchedrin as the figure represented by "a certain gentleman of a known age and known appearance," this figure could be, in fact, a veiled caricature of Dostoevsky himself. The image of Athanasius Matveyevich reflects traits of self-parody: a preoccupation with literature, confidence in a brilliant career, references to Socrates and Fourier, egotism, dreams of traveling abroad, and the frivolous behavior of a seemingly promising individual — all cryptically satirize Dostoevsky's autobiography. The article also proves the internal thematic and figurative kinship of the writer's comic texts: the tales *Uncle's Dream*, "The Crocodile" and the novel *The Village of Stepanchikovo and its Inhabitants*.

Keywords: Dostoevsky, satirical novel, "The Crocodile," auto-parody, Altay Museum of Local Lore, F.V. Gebler, P.P. Semenov (Tien Shanskiy).

For citation: Safronova, E.Yu. "Crocodiliada by Fyodor Dostoevsky: Genesis and Evolution of the Theme." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (28), 2024, pp. 90–116. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-90-116

В достоевистике часто встречается мысль об особой оригинальности, уникальности сатирической повести «Крокодил». Между тем, по нашему убеждению, комический модус произведения станет более понятен при его рассмотрении в контексте сибирских, в том числе и естественнонаучных, впечатлений. Сатирическая повесть «Крокодил», опубликованная в журнале «Эпоха» за 1865 год № 2 под названием «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже», по нашему мнению, в качестве одного из источников может восходить к барнаульским впечатлениям автора.

Важно подчеркнуть, что писатель меняет название повести, используя в качестве заглавия название самого большого хищника из числа пресмыкающихся с толстой панцирной кожей. Слово крокодил (лат. crocodilus) восходит к двум греческим словам kroko — галька; deilos — червь и буквально означает «галечный червь». Делая акцент на зоологической семантике, неожиданной для названия художественного произведения, автор привлекает внимание читателей, с точки зрения психологии восприятия — использует аттрактор[1]. Парадокс названия повести усиливается языковой игрой подзаголовка: «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже...», построенного на совмещении двух значений слова «пассаж» (фр. passage) как

[1] В зоологической герменевтике западноевропейской культуры, начиная с эпохи средневековья, крокодил соотносился с дьяволом и адом. Да и в более позднее время наблюдалась контаминация естественно-научного и символико-аллегорического истолкований. Даже зоологическая классификация Бюффона не свободна от этических и эстетических коннотаций. См. подробнее книгу А.К. Богданова «О Крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов» (М., 2006), название которой точно отражает общее отношение к этим земноводным. В русских заговорах для обозначения лихорадки использовалось имя «коркодия» (рукопись XIX века из Костромы). В русском варианте греческого апокрифа путь к Раю Еве и Сифу преграждал крокодил. В Новгородской легенде сын Словена Волх превращался в крокодила, что демонстрирует его бесоугодность и отождествление с Перуном. «Слово “крокодил” могло относиться в древнерусских текстах либо к характеристике персонажей, отличающихся свирепостью и непобедимостью (так — в «Похвале Роману Мстиславичу Галицкому» из Ипатьевской летописи), либо к неким не слишком определенным, но оттого не менее устрашающим силам зла, к языческому и антихристианскому миру» [Богданов, 2006, с. 171]. Только к середине XVII века на Русь проникают сведения о крокодилах от очевидцев, например, от купца из Казани Василия Яковлева, который посетил Египет. В европейском научном мире крокодилы были предметом исследований французского зоолога академика Жозефа-Гишара Дювернэ (1648–1730), чей анатомический театр Петр I посетил во время своего пребывания в Париже в 1717 году. Иоганн Кристиан Беркхан, сделавший в 1748–1751 годах серию рисунков с купленных Петром в Европе зоологических раритетов, срисовал два хранившихся в Кунсткамере препарата — вылупляющегося из яйца детеныша крокодила и чучело маленького крокодила [Богданов, 2006, с. 164, 144, 145]. В литературе образ крокодила встречался довольно редко.

указания на место действия и на особенности фабулы. С одной стороны, Пассаж — это галерея-проход грандиозного по тем временам торгового комплекса европейского типа между Невским проспектом и Итальянской улицей в Санкт-Петербурге; с другой, — пассаж (разг.) — неожиданное происшествие. По мнению В.Н. Тихомирова, «[в]озможно, этот каламбурный ход был подсказан статьей Н.А. Добролюбова «Любопытный пассаж в истории русской словесности», в которой в фельетонной манере освещалась наделавшая много шума дискуссия, посвященная состоянию финансовых дел акционерного Русского общества пароходства и торговли, состоявшаяся 13 декабря 1859 г. в зале Пассажа <…>. Эпиграфом к статье Добролюбов взял реплику из гоголевского "Ревизора": "Ах, какой пассаж!" (Современник. 1859. № 12. Отд. III. Современное обозрение. С. 403; также см.: Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 5. с. 537)» [Тихомиров, 2019а, с. 393]. Кроме того, по замечанию Т.Б. Трофимовой, выступившей комментатором повести во втором, дополненном собрании сочинений Достоевского, «Приглашением "дамы в трауре", а затем этой же дамы, но уже в розовых одеждах поехать в Пассаж заканчивается роман Н.Г. Чернышевского "Что делать?". Таким образом, в рассказе Достоевского, начинающегося со сцены посещения Пассажа, возможно, содержится намек на связь рассказа с романом, как своеобразное "продолжение" событий» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 548].

Авторский подзаголовок Достоевского состоит из трех частей и представляет собой градацию: «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже, справедливая повесть о том, как один господин, известных лет и известной наружности, пассажным крокодилом был проглочен живьем, весь без остатка, и что из этого вышло» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 180]. Если первые две части подзаголовка акцентируют курьезность сюжетных событий, то третья часть их конкретизирует и содержит авторское жанровое определение — «справедливая повесть», подчеркивая этическую, а не эстетическую ипостась художественного текста. Уже в подзаголовке установка на якобы достоверность снимается ироническим тоном рассказчика. Ирония автора проявляется и в выборе типа литературного героя: имеется в виду, видимо, публичный, довольно известный человек, с которым неожиданно произошел казус, создавая загадку образа.

Б.Н. Тихомиров доказал, что «[н]ачалу работы Достоевского над повестью предшествовало следующее событие. В декабре

1864-январе 1865 г. в ведущих столичных газетах можно было прочитать любопытное объявление: “ВЫСТАВКА КРОКОДИЛОВ. В Пассаже, в нижней галерее, в № 42, можно видеть два КРОКОДИЛА-ВЕЛИКАНА, самые большие, до сих пор в Европе показанные; равным образом и другие звери, между коими значительное число вновь привезенных попугаев и обезьян. Кормление крокодилов бывает по четверкам [так!] и воскресеньям в 6 часов. Здесь же продают и покупают попугаев, обезьян и раковины”. Неизвестно, побывал ли сам Достоевский на выставке крокодилов или только прочитал о ней в газетах, но можно с высокой долей вероятности предположить, что именно это реальное событие дало толчок его художнической фантазии, прихотливый полет которой создал в творческом воображении писателя одновременно жуткую и смешную картину того, как любопытствующий чиновник-простофиля по собственной неосторожности и по недосмотру хозяина-немца оказался проглоченным “пассажным крокодилом”» [Тихомиров, 2019b, с. 453][2].

ВЫСТАВКА КРОКОДИЛОВЪ. Въ Пасажѣ, во нижней галереѣ, въ № 42, можно видѣть **ДВА КРОКОДИЛА ВЕЛИКАНА**, самые большіе, до-сихъ-поръ въ Европѣ показанные; равнымъ образомъ и другіе звѣри, между коими значительное число вновь привезенныхъ попугаевъ и обезьянъ. Кормленіе крокодиловъ бываетъ по четверкамъ и воскресеньямъ въ 6 часовъ. Здѣсь же продаютъ и покупаютъ попугаевъ, обезьянъ и раковины. 26.

Илл. 1. С.-Петербургские ведомости. 1864. 29 дек. № 305; Голос. 1865. 2 янв. № 2
Fig. 1. St. Petersburg Gazette. 1864. 29 Dec. No. 305; Voice. 1865. 2 Jan. No. 2

Н.В. Живолупова предлагала рассматривать метафору названия текста на фоне духовной культуры — фантастического крокодила-левиафана, включая в контекст интерпретации трактат Т. Гоббса «Левиафан», где пресмыкающееся является символом государства, рассмотренного «как гигантский живой организм»; задуманного в январе 1846 года, но невоплощенного альманаха В.Г. Белинского «Левиафан», а также библейской образности. По ее мнению, «новозаветный семантический слой метафоры связан с позицией главного героя “Крокодила” Ивана Матвеича как идеолога, собирающегося пророчествовать “из крокодила”, и содержит комическую аллюзию на библейский сюжет о пророке Ионе, проглоченном китом» [Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008, с. 116].

[2] Благодарю Бориса Николаевича Тихомирова, который любезно прислал мне фото газеты с объявлением о выставке крокодилов в Пассаже.

Размышляя об этой возможной интерпретации, Б.Н. Тихомиров подчеркивал не только сходство, но и отличие двух сюжетов. «Достоевский хорошо знал и особо ценил этот ветхозаветный рассказ, специально выделяя его центральное сюжетное положение — “чудное сказание о пророке Ионе во чреве китове” (14; 267). Поэтому указанный параллелизм фабульных ситуаций нельзя посчитать случайным. Но тем более важно подчеркнуть, что при ближайшем рассмотрении образы двух проглоченных чудовищами героев соотносятся отнюдь не прямо, а составляют контрастную параллель. Пророком Ионой заключение в утробе огромной рыбы однозначно переживается как пребывание в “аду” (Ион. 2: 7): для него это наказание и боль, его вопль из “чрева преисподней” (Ион. 2: 3) исполнен ужаса богооставленности и рыданий глубокого раскаяния. Героем Достоевского, напротив, попадание “в недра чудовища” воспринимается как звездный час его “карьеры” (5; 194). “Никогда еще я не был более счастлив и спокоен духом, как теперь...” (5; 330) — заявляет он в черновых набросках из утробы крокодила» [Тихомиров, 2019b, с. 454]. Ученый подчеркивает принципиальное различие финала и характеров героев: «Именно обнаружение контрастной параллели с сюжетом пророка Ионы позволяет выявить авторскую доминанту образа Ивана Матвеича, особенно резко означенную проекцией его ситуации на ветхозаветный рассказ: перед нами герой, возомнивший себя пророком, иными словами — лжепророк, самозванец. Выявленный мотив самозванства делает более различимыми в герое “Крокодила” хлестаковские черты» [Тихомиров, 2019b, с. 455].

Однако образ Ивана Матвеича представляется более неоднозначным: «Антиномии в характере и в типе “перебивают” друг друга: Иван Матвеич одновременно умен и глуп, философ и профан, пророк и лжепророк, государственный муж и самозванец, верноподданный солидный чиновник и нигилист, тщеславная, уязвленная самолюбием заурядная личность и сын отечества, размышляющий о судьбах человечества. Из этого пестрого смешения нелегко извлечь рациональное зерно, понять, кто же такой Иван Матвеич» [Дилакторская, 2000, с. 588]. Обобщая различные проекции личности, Достоевский, с одной стороны, комически обыгрывает разные ипостаси человека, с другой, — показывает сложность и многогранность его натуры, несводимость к одной оценке. «Совершенно очевидно, что герой в крокодиле претерпевает разные превращения: чиновник высту-

пает в роли ученого-естествоиспытателя, философа, политического деятеля, властителя дум, государственной персоны, поэта, пророка» [Дилакторская, 2000, с. 587].

Далее Б.Н. Тихомиров, справедливо отмечая сложность и многослойность организации текста, выделяет три сюжетно-композиционных плана произведения. По его мнению, ближайший план содержания повести составляет невероятное, фантастическое событие: крокодил проглатывает зазевавшегося чиновника, а тот целым и невредимым устраивается в его брюхе и вступает оттуда в переговоры с женой и другом. К этому плану примыкает план литературно-пародийный, который должен был развернуться в неосуществленном продолжении сюжета. Это стихия журнальной полемики, аллюзии на конкретные периодические издания («Листок», «Волос») и на суждения отдельных публицистов. В архитектонике повести ученый выделяет и третий, иносказательный план содержания, возникающий лишь в третьей главе произведения и являющийся подлинной завязкой глубинного сюжета. Это обнаружение хлестаковских черт героя [Тихомиров, 2019b, с. 460–462]. Это семантический сдвиг, ибо «[ф]антастика, которая имела до сих пор чисто внешний, “декоративный” характер, теперь становится фактором, обусловливающим трансформации в психике «фитюльки»-чиновника. Происходит, если воспользоваться выражением их черновых набросков к повести, “ассоциация крокодила с чиновником” (5; 324). Совместно они — герой и рептилия — образуют то, что Иван Матвеич называет “кафедрой”» [Тихомиров, 2019b, с. 462].

Большинство современников и критиков писателя видели в основных сюжетных событиях рассказа злую карикатуру, пародию на судьбу и учение Н.Г. Чернышевского, сосланного в Сибирь. Е.И. Кийко полагает, что «рассказ нужно рассматривать в плане более широкой полемики Достоевского с публицистами различных общественно-политических направлений 1860-х гг., не сводя его содержания к личному выпаду против автора “Что делать?”» [Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008, с. 113]. Т.Б. Трофимова считает, что «замысел “Крокодила” связан с полемическими статьями Достоевского 1863–1864 годов, что убедительно доказывают черновые материалы» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 535]. В очерке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Литераторы-обыватели» говорится о мальчике, «беспечно» купающемся в Ниле и не замечающем, что «из-за камышей уже стережет его

крокодил» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 535–536]. Поэтому одним из литературных источников повести Достоевского и его названия послужил именно образ щедринского «чиновника-крокодила». «Автор романа “Что делать?” и Салтыков-Щедрин принадлежали к демократической части общества, были сотрудниками журнала “Современник”, почти не имели разногласий в решении насущных общественно-политических и эстетических проблем современности, поэтому в рассказе “Крокодил” есть отсылки и к тексту романа о “новых людях”, и к биографиям Н.Г. Чернышевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина, дополняющих образ Ивана Матвеича» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 545].

Некоторые современники и позднейшие исследователи интерпретировали образ проглоченного Ивана Матвеича как аллюзию на целый ряд русских нигилистов и усматривали сходство фигуры героя «с В.А. Зайцевым или Д.И. Писаревым, а также Л.Л. Камбеком, — по крайней мере, пародийное сходство высказываний проглоченного героя с мнениями русских нигилистов вызвало ряд резких откликов в прижизненной критике» [Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008, с. 113].

Н.В. Живолупова считала, что «смысл художественной формы рассказа (универсальность сюжетной схемы, богатство метафорики, новизна повествовательных приемов и т.п.) становится понятен лишь при анализе “Крокодила” в контексте произведений писателя, рассказов и повестей, создаваемых в первой половине 1860-х гг. (“Скверный анекдот”, “Зимние заметки о летних впечатлениях”, “Записки из подполья”)» [Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008, с. 112]. В контексте «Записок из подполья» рассматривала повесть «Крокодил» и О.Г. Дилакторская [Дилакторская, 2000, с. 610–615].

В.Н. Захаров полагал, что «Крокодил» — это автопародия на «Записки из подполья» [Захаров, 1985, с. 108]. Ученый подчеркивает, что, с одной стороны, «Крокодил», «во-первых, — повесть фантастическая, во-вторых, сатирическая». С другой стороны, «тип героев этих повестей один и тот же — парадоксалист, но если психологическое состояние одного парадоксалиста обозначено метафорически (“подполье”), то второго — метонимически (“крокодил”)» [Захаров, 1985, с. 108]. В этом контексте особенно важна «одна из затей проглоченного Ивана Матвеича — начать “Записки из Крокодила”» [Захаров, 1985, с. 108].

Иронический модус повествования рассказа допускает различные интерпретации текста. Спустя восемь лет, в позднейшем автокомментарии в моножурнале «Дневник писателя» за 1873 год в главе IV «Нечто личное» охарактеризовал «Крокодила» как «безделку», «повесть для смеху», «фантастическую сказку», «литературную шалость, единственно для смеху» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 26]. Рассказывая о своем замысле, Достоевский стремится устранить сходство с Н.Г. Чернышевским, затушевать политический смысл и придать произведению характер чистой литературной игры — «вроде подражания повести Н.В. Гоголя “Нос”» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 26][3]. Задавая метатекст прочтения, писатель нивелирует серьезный план, открывающийся под комическим поверхностным слоем содержания: «В чем же аллегория? Ну конечно — крокодил изображает собою Сибирь; самонадеянный и легкомысленный чиновник — Чернышевского. Он попал в крокодила и всё еще питает надежду поучать весь мир. <...> Значит, предположили, что я, сам бывший ссыльный и каторжный, обрадовался ссылке другого “несчастного”; мало того — написал на этот случай радостный пашквиль» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 26]. По нашему глубокому убеждению, автор использует ту же трикстерскую стратегию, как и в повести «Дядюшкин сон», которую он в свое оправдание позже называл написанной невольно вещичкой голубиного незлобия и замечательной невинности [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 303]. Аналогично писатель поступает и романе «Село Степанчиково и его обитатели» как криптопародии, предлагая читателю разгадать смысловую многослойность подтекста. При этом, как нам представляется, одним из источников остро полемичного и гротескного образа «Крокодила» вполне могли стать барнаульские впечатления автора.

Заглавная зоологическая метафора, которую так яростно пытались интерпретировать в аллегорическом и даже гротескном ключе читатели, критики и литературоведы (см. подробнее: [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 393–394], [Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008, с. 113–116]), может иметь и буквальный, прозаический, смысл, отсылая в том числе (кроме пассажных крокодилов-великанов) и к крокодилу-аллигатору Ф.В. Геблера.

---

3 Сопоставительный анализ «Крокодила» с гоголевской повестью «Нос» блестяще выполнен в докторской диссертации О.Г. Дилакторской [Дилакторская, 2000, с. 595–610].

Чучело рептилии Геблер купил за границей для созданного им совместно с П.К. Фроловым Краеведческого музея. Крокодил и сейчас является редким и старейшим экспонатом музея. Добавим, что редкое пресмыкающееся было не единственным необычным приобретением доктора: «Ф.В. Геблер постоянно способствовал развитию музея, используя и свое жалование на приобретение дорогостоящих экспонатов, которые, бывало, выписывал из-за границы: броненосец, хамелеон, крокодил-аллигатор, оставшиеся Барнаульскому музею от Геблера, сохранились до нашего времени и являются теперь его старейшими экспонатами» [Гармс, 2011, с. 50].

Повторимся, что посещение старейшего в Сибири Краеведческого музея было частью обязательной программы знакомства с Барнаулом почетных гостей на протяжении десятилетий: А. фон Гумбольт, К. Ледебур, о. Макарий и др. К. Ледебур даже указывает точное расположение коллекций по залам музея. «Третий и четвертый залы (Краеведческого музея – *Е.С.*) содержат зоологические коллекции. В третьем зале выставлены чучела млекопитающих» [Ледебур, 1993, с. 148]. Особо подчеркнем, что в России в середине XIX века увидеть живого крокодила или его чучело было событием особенным, почти фантастическим, т.к. зоопарков не существовало. Соответственно, скорее всего, Достоевский видел такое экзотическое животное лишь дважды (?) в жизни, что нашло отражение в романе «Село Степанчико и его обитатели» и повести «Крокодил».

К сожалению, в книге «Собственноручные подписи особ, почтивших присутствием своим Барнаульский музей» нет автографа П.П. Семенова или Ф.М. Достоевского, что сделало бы нашу концепцию максимально обоснованной. После отставки П.Ф. Фролова и смерти Ф.В. Геблера Краеведческий музей находился не в самом лучшем состоянии. Возможно, сказался и личностный фактор. Установить имя смотрителя (надзирателя) музея удалось благодаря диссертации Б.В. Бабарыкина. Согласно его архивным разысканиям, в период 1822–1850-х годов эту должность занимал Федор Иванович Гусельников [Бабарыкин, 2015, приложение, с. 5]. Остается загадкой, по какой причине книга автографов знаменитых гостей была незаслуженно забыта: записи в ней отсутствуют за целых 50 лет, с 1830-х по 1880-ые годы. Между тем в музее П.П. Семенов действительно проводил много времени, как он пишет в мемуарах [Семенов, 2018, с. 97], и, безусловно, как минимум рассказывал другу о невероятных для Сибири экспонатах.

Илл. 2. Чучело крокодила-аллигатора.
Алтайский краеведческий музей, г. Барнаул
Fig. 2. Stuffed alligator crocodile.
Altai Museum of Local Lore, Barnaul

Илл. 3. Чучело крокодила-аллигатора.
Алтайский краеведческий музей, г. Барнаул
Fig. 3. Stuffed alligator crocodile.
Altai Museum of Local Lore, Barnaul

Очевидно, что в процессе работы над повестью Достоевский синтезирует барнаульские впечатления (небольшого размера крокодил в музее) и петербургские события (выставка крокодилов-великанов в Пассаже в январе 1865 года), переосмысляя и подвергая комическому снижению, а также придумывая основное фантастическое фабульное событие: проглоченный чиновник чудом остается жив.

Выскажем гипотезу, что некоторые художественные детали рассказа «Крокодил» могут отсылать к барнаульскому опыту писателя. Во-первых, при первом появлении крокодил напоминает музейный экспонат: «огромнейший крокодил, лежавший как бревно, совершено без движения» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 181].

Во-вторых, хозяином крокодила является немец: «он один во всей России показывает теперь крокодила» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 181]. Это также отсылка к появлению крокодила в первом в Сибири музее.

В-третьих, в повести немец неразлучен со своей женой. Возможно, Достоевский так намекает на долгий брак четы Геблер и смерть супругов почти в один день. Как мы отмечали ранее, история барнаульских Петра и Февронии, завершившаяся за шесть лет до посещения города П.П. Семеновым и Ф.М. Достоевским, бытовала в Барнауле как предание о чудесной любви. Последние архивные разыскания д.и.н., проф. АлтГУ В.А. Должикова (см.: [Должиков, 2012, с. 43–45]) лишают историю семьи немца чудесного ореола. Историк разыскал в Томском архиве сведения о том, что жена народного доктора избивала девушек, помогавших ей по хозяйству. В результате жестокого обращения одна из них погибла от побоев, а вторая — обратилась в Томскую полицию, отказавшись возвращаться в дом. Однако на Алтае дело замяли и к суду жену высокопоставленного чиновника (Ф.В. Геблер имел с 1830 года чин статского советника) не привлекли. Выскажем предположение, не особенно на нем наставая, что, употребление и осмеяние в повести пары паронимов «вспороть — пороть» в значении лишить целостности — наказать розгами может быть связано с этой историей. Кроме того, описывая супругу немца, писатель употребляет не немецкое слово die frau — жена, а слово die mutter в русской транскрипции муттер. Лексема может быть понята как языковая игра: в немецком языке mutter означает *мама* и *гайка*, т.е. слово как бы объединяет противоположную семантику: тепло самого родного человека и холод металла с заданными размерами. В произведении Достоевским особо акцентирована «сухость сердца <…> растрепанной муттер» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 183]. Игра с паронимами и омонимами в повести может отсылать к характеру А.С. Геблер (в девичестве Зубаревой).

Мотив купли-продажи крокодила Достоевским подвергается сатирическому осмеянию, вплоть до «выворачивания наизнанку».

Ф.В. Геблер покупал чучело аллигатора из гуманных и научных соображений, героем-немцем движут корыстные чувства: он боится потерять заработок и посетителей: «Теперь публикум будет много ходиль. Я пять тысяч продавайт крокодиль! Одним словом, он куражился нестерпимо; корыстолюбие и гнусная алчность радостно сияли в глазах его!» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 185]. В итоге он требует «пятьдесят тысяч рублей билетами последнего внутреннего займа с лотереею, каменный дом в Гороховой и при нем собственную аптеку и, вдобавок, — чин русского полковника» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 200].

В-четвертых, фигура преданного друга Семена Семеновича является пародией на Петра Петровича Семенова, который был магистром биологии и давал естественнонаучные консультации Достоевскому в качестве спутника барнаульских прогулок. Редупликация фамилии друга в имени персонажа — Семен Семенович — на наш взгляд, может быть намеком на прототип.

В-пятых, на наш взгляд, образ Ивана Матвеича имеет черты автопародии. В черновых записях «проглоченный чиновник» называл себя философом, говорил: «что такое философ? Слово “философ” у нас на Руси есть слово бранное и означает: дурак» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 329]. В опубликованном тексте автор намекает на свою собственную судьбу фурьериста-петрашевца более откровенно: «Опровергну всё и буду новый Фурье» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 194]; «Если не Сократ, то Диоген, или то и другое вместе, и вот будущая роль моя в человечестве» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 199]. В этом фрагменте в криптопародийной форме, возможно, осмеивается портретное сходство писателя с Сократом. А.Н. Майков в письме П.А. Висковатому особенно подчеркивал этот факт: «И помню я — Достоевский, сидя, как умирающий Сократ перед друзьями, в ночной рубашке с незастегнутым воротом, напрягал все свое красноречие о святости этого дела, о нашем долге спасти отечество, и пр. — так что я наконец стал смеяться и шутить» [Достоевский в воспоминаниях, 1991, т. 1, с. 253].

Кроме того, писатель в произведении использует прием сократической иронии как один из важнейших для художественной системы. В качестве героя повести Достоевский избрал публичного человека: «один господин известных лет и известной наружности» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 180]. В Подготовительных материалах Иван Матвеич имел другое имя — Осип

Федорович [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 337], что на наш взгляд, явно отсылает к имени слуги Хлестакова Осипу, с одной стороны, и к имени автора Федор, — с другой. В окончательном тексте есть указание на то, что чиновник с «недостаточным чином» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 195] сочиняет «стишки» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 190]. В художественном произведении осмеянию подвергаются и амбиции, связанные с блистательным началом литературной карьеры. Иван Матвеич самовлюбленно признается другу: «твердо надеюсь на блистательнейшую из карьер» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 194], «будущность представляется мне в самом розовом свете» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 198]. Фельетонность произведения, шаржированность образа предполагает снижение, придание комизма высоким материям. Поэтому представленный в начале текста герой как «образованный друг» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 180] в середине повести превращается в «легкомысленную башку» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с.194], «болвана» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 201], который с умным видом говорит чепуху. Например, он сочиняет начало своей первой публичной лекции в духе Демокрита: «Давно уже решено физикой, что природа не терпит пустоты. Подобно сему и внутренность крокодилова должна именно быть пустою, чтоб не терпеть пустоты, а, следственно, беспрерывно глотать и наполняться всем, что только есть под рукою. И вот единственная разумная причина, почему все крокодилы глотают нашего брата. Не так в устройстве человеческом: чем пустее, например, голова человеческая, тем менее она ощущает жажды наполниться, и это единственное исключение из общего правила. Всё это мне теперь ясно, как день, всё это я постиг собственным умом и опытом, находясь, так сказать, в недрах природы, в ее реторте, прислушиваясь к биению пульса ее. Даже этимология согласна со мною, ибо самое название крокодил означает прожорливость. Крокодил, Crocodillo, — есть слово, очевидно, итальянское, современное, может быть, древним фараонам египетским и, очевидно, происходящее от французского корня: croquer, что означает съесть, скушать и вообще употребить в пищу. Всё это я намерен прочесть в виде первой лекции публике» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 196].

Каждому читателю очевидна квазинаучность, которой маскируется глупость. На самом деле, этимология слова крокодил иная: лат. crocodilus, от kroko — галька; deilos — червь, слово восходит

к двум греческим словам и буквально означает «галечный червь». Так крокодил становится, по меткому наблюдению Н.В. Живолуповой, «метафорой интеллектуальной гордыни» [Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008, с. 115]. Б.Н. Тихомиров проницательно замечает, что «[и]сключительность фантастической ситуации незаметно переходит в маниакальное сознание исключительности собственной личности. Заурядный чиновник первых двух глав превращается в героя-идеолога или, точнее, в псевдоидеолога (поскольку всё это совершается в плоскости хлестаковского сюжета)» [Тихомиров, 2019b, с. 462]. Достоевский особо подчеркивает «безграничность его (героя — *Е.С.*) самолюбия» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 200]. Так, на наш взгляд, писатель иронизирует над самим собой и ранними восторгами современников, их поклонением его молодому таланту как новому Гоголю (отсюда в черновых набросках имя Осип Федорович и его мечты об обретении нового имени, отражающего его новую, двойственную, природу — маркиз Crocodillo del crocodillo [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 328]). В объяснении замысла произведения в «Дневнике писателя» за 1873 год автопсихологизм и автопародия, на наш взгляд, еще более очевидны: попавший в крокодила чиновник — «еще молодой, но заеденный самолюбием; прежде всего, дурак, как и незабвенный майор Ковалев, потерявший свой нос. Он комически уверен в своих великих достоинствах; полуобразован, но считает себя чуть ли не за гения» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 26], «постоянно обижен всеобщим к нему невниманием», «муштрует и тиранизирует своего бесхарактерного друга, величаясь над ним своим умом» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 27]. Эта характеристика очень напоминает образ Фомы Фомича в романе «Село Степанчиково и его обитатели», который также содержит черты автопародии. Н.В. Живолупова считала, что «[в] комической форме раздробленность проявляется как разлад ума и души или ума и сердца, духовного и телесного. Так, в образе Фомы Фомича комический эффект во многом основан на расхождении интеллектуального и инстинктивного, духовного и телесного, его представления о себе и его облика в глазах окружающих. Здесь впервые у Достоевского “телесное“ как бы вычленяется из целостного человека, огрубляется и становится источником комического; так, герой, претендующий на интеллектуальную исключительность, в глазах окружающих оказывается “сластолюбивой,

капризной тварью”, “срамцом трекоятым”» [Живолупова, 1994а, с. 83].

Внезапность и неожиданность попадания в недра рептилии в повести может быть соотнесено с ссылкой петрашевцев в Сибирь: герой, «<...> получив билет за границу, угодил в крокодила, что даже неостроумно...» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 185]. Старший товарищ Тимофей Семеныч вовсе не удивлен происшедшим: «Ибо люди излишне образованные лезут во всякое место-с и преимущественно туда, где их вовсе не спрашивают» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 188]. В криптопародийной форме автором осмысляется необходимость наказания свободно мыслящей молодежи: Тимофей Семеныч, выражая общее мнение начальства, считает, что «даже и хорошо, что он там на время полежит, вместо заграницы-то-с. Пусть на досуге подумает» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 189]. Так в острой памфлетной форме получает пародийное воплощение образ автора — писателя-петрашевца, мечтавшего о путешествии по Европе, а угодившего в Сибирь. Сравним с признанием Достоевского в письме к Я.П. Полонскому от 31 июля 1861 года: «Сколько раз мечтал я, с самого детства, побывать в Италии. Еще с романов Радклиф, которые я читал еще восьми лет, разные Альфонсы, Катарины и Лючии въелись в мою голову. А дон Педрами и доньями Кларами еще и до сих пор брежу. Потом пришел Шекспир — Верона, Ромео и Джулье<т>та — черт знает какое было обаяние. В Италию, в Италию! А вместо Италии попал в Семипалатинск, а прежде того в Мертвый дом» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 19]. На наш взгляд, сходной видится автоирония в романе «Село Степанчиково»: «Фома Фомич был огорчен с первого литературного шага и тогда же окончательно примкнул к той огромной фаланге огорченных, из которой выходят потом все юродивые, все скитальцы и странники» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 12]. «Н.Н. Мостовская указала, что это реминисценция из II тома “Мертвых душ” Гоголя, где содержится иронический намек на деятельность “оппозиционно настроенных по отношению к правительству кружков — возможно, в том числе и на общество Петрашевского, в которое входил Достоевский”» [Алекин, 1998, с. 244].

Эпистолярное наследие Достоевского позволяет делать выводы о правильности наших предположений о существовании автопародии и глубинного эстетического родства названных художественных текстов. Квинтэссенция представлений Достоевского о жизни

содержится в письме брату Михаилу от 22 декабря 1849 года, в день инсценировки смертной казни: «Брат! Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 162]. В повести этот мотив травестийно обыгран: «Стану поучать праздную толпу. Наученный опытом, представлю из себя пример величия и смирения перед судьбою! Буду так сказать кафедрой, с которой начну поучать человечество» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 194]. Более того, «[и]звестная новозаветная трактовка эпизода как пророчества смерти и воскресения Христа вновь актуализует мотив пародийного подражания Христу, сохраняя смысловые реалии ветхозаветного текста. Иона, извергнутый из чрева Христова, пророчествует в Ниневии. Иван Матвеевич, переживший, по его мнению, внутреннее преображение, собирается проповедовать великие идеи “из крокодила”» [Живолупова, 1994b, с. 121].

Нужно подчеркнуть, что по возвращению в Петербург Достоевский неоднократно бывал в Пассаже (Невский проспект, 48). Там находилось «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (Литературный фонд), инициатором создания которого был А.В. Дружинин, а учредителями И.С. Тургенев, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Некрасов, А.А. Краевский, П.В. Анненков, А.В. Никитенко. При входе в Пассаж с Итальянской улицы слева располагался концертный зал, где устраивались чтения. Достоверно известно, что Достоевский 11 ноября 1860 года читал отрывок из повести «Неточка Незванова», а 15 января 1861 года — отрывок из романа «Бедные люди», однако публика его встречала достаточно холодно.

В семантике имени главного героя пародийно сопрягаются как фольклорные, балаганные, так и христианские коннотации. «Иван — имя, широко используемое в русских народных сказках, ставшее предпочтительным в обозначении русского национального характера, имеющее обобщенное предназначение в оценке целого народа: русский Иван — значит, любой и каждый представитель русской России» [Дилакторская, 2000, с. 574]. И действительно, «[г]ерой “Крокодила” повел себя по-дурацки (“кто же велел ему влезать в крокодила? Человек солидный, человек известного чина, состоящий в законном браке, и вдруг такой шаг! Сообразно ли это?” – 5, 190); впоследствии его прямо называют: “беспечная,

праздная голова!" – 5, 197), т.е. глупая, и даже "болваном" – 5, с. 200; он подвергается испытанию смерти и сверхъестественным образом, как Иван-дурак из сказок, остается в живых ("проглочен без всякого повреждения" – 5, 185, "несмотря на то, что случай слишком сверхъестественный" – 5, с. 195)» [Дилакторская, 2000, с. 575]. Как справедливо заметила О.Г. Дилакторская, в творчестве писателя отчество Матвеич до повести «Крокодил» употреблялось лишь дважды. В «Записках из Мертвого дома» был пристав с палочкой, надзиратель за работой каторжников, приказывающий разобрать барку [Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 74]. Это второстепенная фигура. «Есть и еще один Матвеич — Афанасий Матвеич, супруг Марьи Александровны Москалевой, деревенский житель, играющий роль домашнего шута, которого, как вещь, выписывают из деревни в город Мордасов для представления жениху дочери Зины ("Дядюшкин сон")» [Дилакторская, 2000, с. 575–576]. Особо подчеркнем, что имя героя писатель выбирает из сибирского периода творчества. Кроме того, отчество отсылает и к высокой библейской параллели: «Из четырех канонических Евангелий только в Евангелии от Матфея рассказывается об Ионе, проглоченном огромной рыбой» [Дилакторская, 2000, с. 576].

Хлопоты Семена Семеныча по освобождению его «образованного друга» из недр крокодила вызывают в памяти хлопоты А.Е. Врангеля, Э.И. Тотлебена и др. по освобождению автора из ссылки, возвращению в европейскую Россию и получение вновь долгожданного права печататься.

Особо подчеркнем, что стиль написания и характер иронии повести «Крокодил» и двух сибирских произведений Ф.М. Достоевского представляется схожим. В черновых набросках повести пародийно противопоставлены «польза», «выгода», материальные блага — искусству [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 389], а также Европа и Россия. Аналогично в повести «Дядюшкин сон» в салоне Москалевой «этот дурак» Шекспир [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 384] несет ответственность за отсутствие здравого и трезвого понимания жизни молодежью. Марья Александровна отчитывает гостя: «Мало того: вы прошлый раз говорили даже, что намерены отпустить ваших крестьян на волю и что надобно же что-нибудь сделать для века, и все это оттого, что вы начитались там какого-нибудь вашего Шекспира! Поверьте, Павел Александрович, ваш Шекспир давным-давно уже отжил свой век и если б воскрес, то,

со всем своим умом, не разобрал бы в нашей жизни ни строчки!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 307].

Кроме автобиографических проекций дела с Карепиным[4], рассуждения Ивана Матвеевича о «выгоде», об общей пользе, о естественных науках пародируют высказывания по этим же вопросам сотрудников «Русского слова» — Д.И. Писарева, а чаще — В.А. Зайцева [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 536].

В повести также пародийно осмеяно увлечение биологией. Друг потерпевшего высказывает нелепое предположение Тимофею Семенычу командировать в крокодила с жалованьем «для естественного так сказать, изучения природы на месте, в живье-с.

[4] Родительское имение состояло из 500 десятин земли и 100 душ крепостных крестьян села Даровое и деревни Черемошня Каширского уезда Тульской губернии. После смерти М.А. Достоевского по законодательству того времени имение должно было находится в опеке до достижения совершеннолетия (21 год) всех детей, т.е. до 1852 года. Двумя опекунами усадьбы стали старший по мужской линии Михаил Достоевский и муж Варвары Петр Андреевич Карепин (1796–1850), который фактически и занимался управлением, имея большой опыт в этой сфере. Напомним, что он занимал выгодное место правителя канцелярии московского военного генерал-губернатора при князе Д.В. Голицине, совмещая службу с управлением всеми имениями князей Голицыных. Суть «эпистолярного» спора о наследстве (1841-1844) заключалась в твердом желании Ф.М. Достоевского получить «выдел» своей доли в наследстве до достижения совершеннолетия другими наследниками. Будущий писатель сначала предлагал, а затем и требовал у зятя обмена своего права наследования доли имения за 1000 рублей серебром (из которых 500 — единовременно и остальные частями по 10 рублей в месяц). На эти средства Ф.М. Достоевский мечтал расплатиться с долгами, выйти в отставку и всецело посвятить себя литературе. Эпистолярный «поединок» имел и идеологическую основу: мировоззрение Достоевского не позволяло оставаться помещиком и разорять «родительских мужиков» [Достоевский, 1972–1990, т. 281, с. 97]. Прагматичный П.А. Карепин со скепсисом отнесся к романтическому «проекту» шурина, называя эти идеи «юношескими фантазиями», желанием «спустить с рук отцовское добро» и игнорировал его настойчивые просьбы. Только поручительство старшего брата Михаила в ноябре 1844 года помогли осуществить «семейный» раздел. Однако идея сделать начальный капитал фундаментом литературной карьеры, направить деньги на реализацию обширных творческих планов (перевод романов «Евгения Гранде» О. Бальзака, «Матильда» Э. Сю, драмы «Дон Карлос» Ф. Шиллера, самостоятельная публикация первого романа и др.), не воплотилась по причине расточительности, нерасчетливости в делах молодого писателя. Получив компенсацию за отказ от доли имения в ноябре 1844 года, через полгода, в письме от 24 марта 1844 года, Ф.М. Достоевский, сетуя на обилие долгов, признается брату Михаилу, что «на печать недостало» [Достоевский, 1972–1990, т. 281, с. 106]. Тем не менее «эпистолярный» спор о наследстве с П.А. Карепиным сыграл важную роль в творческой эволюции начинающего автора: в письмах Достоевского муж сестры получил развернутую литературную «генеалогию» (отец Горио, Фальстаф, Фамусов, Чичиков), стал объектом пародии — нецензурного двустишья (письмо к старшему брату от 30 сентября 1844 года), а в дальнейшем — прототипом Быкова в романе «Бедные люди». См. подробнее: [Сафронова, 2016].

Нынче все пошли естественные науки-с, ботаника...Он бы там жил и сообщал-с...ну там о пищеварении или просто о нравах» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 191]. В Подготовительных материалах чиновник высказывает намерение «распространять естественные науки» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 326]. Более того, есть запись о том, что «проглоченного господина» «сделали членом Геогр<афического>общества, потому что быть в недрах важнее, чем открыть истоки Нила» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 338]. С одной стороны, названные цитаты могут вновь отсылать к научной деятельности Ф.В. Геблера и П.П. Семенова, которые оба входили в Русское географическое общество. С другой стороны, это может быть отсылкой к увлечению писателя биологией и зоологией в Сибири (выращивание диковинных растений и цветов в Казаковом саду, кормление ужей и т.д.). Кроме того, в 60-ые годы XIX века научный контекст в целом был другим и в повести могли сказаться влияние эволюционной теории Ч. Дарвина, а также его ученика Томаса Генри Гексли (1825–1895), книга которого «О положении человека в ряду органических существ» вышла на русском языке в 1864 году [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 383].

Тема Шекспира в экстравагантном сочетании с земноводными и насекомыми продолжается и в романе «Село Степанчиково и его обитатели», восходящими к разговорам с П.П. Семеновым на естественнонаучные темы. По нашему убеждению, отнюдь не случайно в тексте романа упоминается крокодил. Он возникает как анимистическая метафора неопределённого, мрачного будущего в словах Фомы Фомича: «О! кто примирит меня теперь с человечеством? Чувствую, что я, может быть, был взыскателен и несправедлив к гостям вашим, к племяннику вашему, к господину Бахчееву, требуя от него астрономии; но кто обвинит меня за тогдашнее состояние души моей? Ссылаясь опять на Шекспира, скажу, что будущность представлялась мне как мрачный омут неведомой глубины, на дне которого лежал **крокодил**» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 148].

Комментаторы Полного собрания сочинений Достоевского полагают, что образ земноводного отсылает к литературному источнику: «[о]браз этот восходит не к Шекспиру, а к Шатобриану, в повести которого “Атала” (1801; русский перевод — 1802) индеец Шактас говорит: “Самое ясное сердце походит по виду на источник в саванах Алашуа; поверхность его кажется чистой и спокойной, но, когда вы всмотритесь в глубину бассейна, — вы заметите там

крокодила". Указанный образ Шатобриана не раз использовался в русской романтической литературе. К.Н. Батюшков в стихотворении "Счастливец" (1810) писал:

Сердце наше кладезь мрачной:
Тих, покоен сверху вид,
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодил на нем лежит!

А.Ф. Воейков в сатире "Дом сумасшедших" пародировал этот традиционный образ. Достоевский в пансионские годы знал наизусть сатиру Воейкова, ходившую тогда в рукописи» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 516], — отмечают комментаторы.

Достоевский настойчиво возвращается к образу крокодила ещё раз в этом же монологе Фомы Фомича, который упрекает полковника в том, что он не рассказал ему о своей любви к Настеньке: «Почему же прежде он не прибежал ко мне, счастливый и прекрасный — ибо любовь украшает лицо, — почему не бросился он тогда в мои объятия, не заплакал на груди моей слезами беспредельного счастья и не поведал мне всего, всего?" Или я **крокодил**, который бы только сожрал вас, а не дал бы вам полезного совета? Или я какой-нибудь **отвратительный жук**, который бы только укусил вас, а не способствовал вашему счастью? "Друг ли я его или самое **гнуснейшее из насекомых**?" — вот вопрос, который я задал себе нынче утром!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 148–149]. Обилие биологических терминов, упоминание рептилий и насекомых вновь может отсылать к научным интересам Ф.В. Геблера и фактам его биографии — необычной покупке чучела крокодила за границей для Краеведческого музея, изучение редких видов насекомых Алтая и т.д.

Пытаясь реконструировать ход художественной фантазии Достоевского, Б.Н. Тихомиров полагает, что замысел развивался в несколько этапов: «<...> более вероятным и естественным представляется такое движение творческой фантазии Достоевского (реконструируемое, конечно же, вполне условно и схематично): 1) увидел (предпочтительнее, чем прочел в газете) крокодила, демонстрируемого в пассажном магазине, возможно во время кормления; 2) вообразил незадачливого городского обывателя, по неосторожности угодившего в утробу рептилии; 3) ассоциативно

связал своего героя с библейским пророком Ионой, проглоченным морским чудовищем (китом) и проведшим в его чреве трое суток; 4) задался вопросом, какие метаморфозы могут происходить с его персонажем, обосновавшимся в “недрах крокодила”; 5) наделил героя, возомнившего себя пророком грядущего рая на земле, чертами крупнейшего мыслителя-утописта эпохи Н.Г. Чернышевского. Какие-то внутренние звенья этой цепи могли следовать в ином порядке, например, возникать параллельно. Но принципиально важно, что в этой схеме — точно так же, как и в сюжетной динамике повести, — аллюзии на Чернышевского, подобным которому мнит себя проглоченный персонаж, возникают лишь тогда, когда в условиях фантастического художественного эксперимента, каковым стало попадание “фитюльки” Ивана Матвеича в брюхо крокодила, вполне проявились его хлестаковско-поприщинские черты» [Тихомиров, 2019b, с. 464].

В связи с вышеизложенным, позволим себе немного уточнить позицию Б.Н. Тихомирова. Между первым и вторым этапом развития замысла Достоевского было, как нам представляется, еще одно и принципиально важное звено. Это яркие сибирские воспоминания, которые проявились и в упоминании крокодила в романе «Село Степанчиково и его обитатели». Повторим, что образ этого пресмыкающегося встречается только в двух текстах писателя: названном романе и повести «Крокодил».

Н.В. Живолупова полагала, что фактически форма «Крокодила», как и других произведений «на пороге» «Преступления и наказания» («Скверный анекдот», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Записки из подполья») — «знак “кризиса жанра”» [Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008, с. 112]. Напротив, мы полагаем, что комическая повесть «Крокодил» — такой же жанровый эксперимент, как и сибирские тексты: «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». Поэтому интерпретация повести в контексте более близкого метатекста позволяет раскрыть криптопародийную стратегию писателя, общую для комических текстов. Сопоставительный анализ обнаруживает, что автопародия является частью иронического осмысления мира, продолжением на новом этапе рефлексии писателя о человеке, мире, сущности / видимости, верности/ необдуманной смены возлюбленных, науки и ее профанации, границах гениальности и самозванства и т.д. Гротескный образ крокодила, героя-философа Ивана Матвееви-

ча, легкомысленной жены-конфетки, странного друга, который «на девять десятых был с ним дружен из злобы» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 199] и криптопародийная эстетика комического произведения в целом позволяют понять, насколько многослойна пародия Достоевского.

В Черновых вариантах повести Крокодилиада представлена и в поэтическом воплощении. Вероятнее всего, речь идет о жене главного героя Елене Ивановне (она пока именуется Матрена Петровна), которая заводит любовников. В разлуке с мужем ей грезится пикантное приключение в Африке, неожиданно пробудившее в ее натуре некоторые садистские наклонности:

На бреге Нила <…>

Крокодила я звала,
Грешным телом отдалась.
Он хвостом ударил в воду, обвил.
А я млела, млела, млела,
И зубами в мое тело
Сладострастно он впился.

Вот с тех пор кусаю я [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 332].

Жаль, что в связи с крахом журнала «Эпоха» повесть Достоевского осталась незавершенной, несколько поэтических вариантов разработки этой темы весьма любопытны.

Интересно, что как отсылку к поэтической Крокодилиаде Достоевского можно интерпретировать оформление входа современного Пассажа, который сейчас украшают два крокодила с солнцем посередине. Очевидно, что они символизируют счастливую пару, в преддверии женского дня 8 марта радостно возвращающуюся из торговой галереи с покупками. Крокодил в сюртуке и с букетом призывает к весеннему возрождению и обновлению, а крокодилица в модном наряде с юбкой в виде цветочного бутона отсылает к Елене Ивановне — «даме-конфетке». Рекламную композицию дополняет Солнце, украшенное сердечками, как воплощение египетского бога Ра и символ долины Нила, опоэтизированной в черновых материалах повести Достоевского.

Итак, бесспорно, что повесть «Крокодил» — произведение полигенетическое, восходящее ко многим литературным, философским, биографическим источникам, а заглавная метафора

Илл. 4. Санкт-Петербург. Пассаж в марте 2024. Фото автора
Fig 4. St. Petersburg. Passage in March 2024. Photo by the author

является образом-символом, многослойным, многофункциональным, с разнообразными смыслами. О.Г. Дилакторская обозначила целый спектр возможных толкований зоологической метафоры. Она отметила, что крокодил — это животное, обитающее в Египте; реторта для эксперимента; иностранец в России; частная собственность, олицетворяющая экономический принцип в буржуазном мире; западная идея — олицетворение европейской цивилизации; все это раскрывает свои смыслы в разных ракурсах: пространственном, историческом, фольклорном, мифологическом, идеологическом, социальном и политическом [Дилакторская, 1999, с. 299, 304–305]. Добавим, что в произведении, помимо ярко представленного петербургского текста повести (Пассаж), возможно, в качестве одного из источников есть и сибирские естественнонаучные мотивы, в которых отразились впечатления от посещения Алтайского краеведческого музея, рассказов П.П. Семенова. Объективный образный ряд, актуализированный сюжетной метафорой крокодила в качестве фона или материала для ее создания, предполагает и барнаульский мнемонический след. Наличие этих мотивов позволяет увидеть пародийные автобиографические истоки повести. Под условной фигурой «одного господина известных лет и известной наружности» скрывается не Н.Г. Чернышевский или обобщенный «другой “несчастный”» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 26], М.Е. Салтыков-Щедрин, В.А. Зайцев, Д.И. Писарев или Л.Л. Камбек, а скорее «прячется» сам Достоевский. Единство образа Ивана Матвеича создается благодаря автопародийной нарративной стратегии: занятие литературой, уверенность в блистательной карьере, упоминание Сократа и Фурье,

эгоизм, мечты о загранице, легкомысленное поведение подававшего надежды человека являются криптопародийными отсылками к сатирически осмысленной собственной биографии.

Список литературы

1. Алекин, 1998 — *Алекин В.Н.* Об одном из прототипов Фомы Опискина // Достоевский и мировая культура. Альманах. 1998. № 10. С. 243–247.

2. Бабарыкин, 2015 — *Бабарыкин Б.В.* Горнозаводское профессиональное образование Западной Сибири в XVIII – начале XX в.: дис. ... канд. истор. наук. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2015. 276 с.

3. Богданов, 2006 — *Богданов А.К.* О Крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 348 с.

4. Гармс, 2011 — *Гармс О.Я.* Доктор Геблер — исследователь Алтая: к 230-летию со дня рождения. Барнаул: Алтайский дом печати, 2011. 113 с.

5. Дилакторская, 1999 — *Дилакторская О.Г.* Петербургская повесть Достоевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 348 с.

6. Дилакторская, 2000 — *Дилакторская О.Г.* Петербургская повесть в русской литературе XIX века (Пушкин, Гоголь, Достоевский): дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2000. 688 с.

7. Должиков, 2012 — *Должиков В.А.* Институциональные истоки коррупции в «Кабинетском» хозяйстве Алтайского горного округа (1830-е – начало 1860-х гг.) // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2012. Вып. 4: сборник научных трудов / под ред. К.В. Фадеева. С. 41–46.

8. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

9. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. Л.: Наука, 2013– (издание продолжается).

10. Достоевский в воспоминаниях, 1990 — *Майков А.Н.* <Из письма к П.А. Висковатому> <Рассказ о Ф.М. Достоевском и петрашевцах в записи А.А. Голенищева-Кутузова> // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. К. Тюнькина. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 252–258.

11. Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008 — *Живолупова Н.В* Крокодил // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. С. 111–116.

12. Живолупова, 1994a — *Живолупова Н.В.* Телесность в художественной антропологии Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альманах. 1994. № 2. С. 75–96.

13. Живолупова, 1994b — *Живолупова Н.В.* Трансформация мотива «Подражания Христу» в произведениях Ф.М. Достоевского 60-х годов («Скверный анекдот», «Записки из подполья», Крокодил») // Достоевский и современность. Материалы VIII Международных Старорусских чтений 1993 г. Новгород, 1994. С. 121–130.

14. Захаров, 1985 — *Захаров В.Н.* Система жанров Достоевского (типология и поэтика). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 209 с.

15. Ледебур, 1993 – *Ледебур К.Ф.* Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / А.А. Бунге, К.А. Мейер; пер. с нем. В.В. Завалишин, Ю.П. Бубенков. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1993. 415 с.

16. Семенов, 2008 – *Семенов Тянь-Шаньский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань. М.: Юрайт, 2018. 223 с.

17. Сафронова, 2016 – *Сафронова Е.Ю.* Проблема правового жизнетекста Ф.М. Достоевского: дело с П.А. Карепиным // Культура и текст. 2016. № 3. С. 29–43.

18. Тихомиров, 2019a – *Тихомиров Б.Н.* Комментарии // Достоевский Ф.М. Малая проза. Книга вторая: Скверный анекдот; Крокодил; Вечный муж; Бобок; Кроткая; Сон смешного человека; Тритон / сост., статья и коммент. Б.Н. Тихомирова; ил. А.А. Джигирей. СПб.: Вита Нова, 2019. С. 385–434.

19. Тихомиров,2019b – *Тихомиров Б.Н.* Такой разный Достоевский // Достоевский Ф.М. Малая проза. Книга вторая: Скверный анекдот; Крокодил; Вечный муж; Бобок; Кроткая; Сон смешного человека; Тритон / сост., статья и коммент. Б.Н. Тихомирова; ил. А.А. Джигирей. СПб.: Вита Нова, 2019. С. 435–532.

References

1. Alekin, V.N. “Ob odnom iz prototipov Fomy Opiskina” [“One of the Prototypes of Thoma Opiskin”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Al’manakh*, no. 10, 1998, pp. 243–247. (In Russ.)

2. Babarykin, B.V. *Gornozavodskoe professional’noe obrazovanie Zapadnoi Sibiri v XVIII – nachale XX v.* [*Mining Professional Education of Western Siberia in 19th – Beginning of 20th Century: PhD Thesis*]. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2015. 276 p. (In Russ.)

3. Bogdanov, A.K. *O Krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovanii i ekzotizmov* [*About Crocodiles in Russia. Essays from the History of Borrowings and Exotics*]. Moscow, NLO Publ., 2006. 348 p. (In Russ.)

4. Garms, O.Ia. *Doktor Gebler – issledovatel’ Altaia: k 230-letiiu so dnia rozhdeniia* [*Doctor Gebler: A Researcher of Altay. For the 230th Anniversary of His Birth*]. Barnaul, Altaiskii dom pechati Publ., 2011. 113 p. (In Russ.)

5. Dilaktorskaia, O.G. *Peterburgskaia povest’ Dostoevskogo* [*Dostoevsky’s St. Petersburg Tale*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999. 348 p. (In Russ.)

6. Dilaktorskaia, O.G. *Peterburgskaia povest’ v russkoi literature XIX veka (Pushkin, Gogol’, Dostoevskii)* [*St. Petersburg Novels in 19th-Century Russian Literature (Pushkin, Gogol, Dostoevsky): PhD Thesis*]. Moscow, 2000. 688 p. (In Russ.)

7. Dolzhikov, V.A. “Institutsional’nye istoki korruptsii v ‘Kabinetskom’ khoziaistve Altaiskogo gornogo okruga (1830-e – nachalo 1860-kh gg.)” [“Institutional Sources of Corruption in the Cabinet of the Economy of the Altai Mining District (1830s – Early 1860s)”]. Fadeev, K.V., editor. *Khoziaistvennoe i kul’turnoe razvitie Urala i Sibiri v XIX–XXI vv. Vypusk 4: sbornik nauchnyh trudov* [*Economic and Cultural Development of the Urals and Siberia in the 19th–21st Centuries. Edition 4: Collected Works*]. Tomsk, Izd-vo Tom. gos. arhit.-stroit. un-ta Publ., 2012, pp. 41–46. (In Russ.)

8. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

9. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 35 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 35 vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–continuing publication. (In Russ.)

10. Maikov, A.N. “<Iz pis’ma k P.A. Viskovatomu> <Rasskaz o F.M. Dostoevskom i petrashevvtsakh v zapisi A.A. Golenishcheva-Kutuzova>” [“<From a Letter to P.A. Viskovaty> <The Story of Fyodor Dostoevsky and the Petrashevtsy in the Record of A.A. Golenishchev-Kutuzov>”]. Tiun’kin, K., editor. *F.M. Dostoevskii v vospominaniiah sovremennikov: v 2 tomakh* [*Fyodor Dostoevsky in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols*], vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, pp. 252–258. (In Russ.)

11. Zhivolupova, N.V. “Krokodil” [“Crocodile”]. *Dostoevskii: Sochineniia. Pis’ma. Dokumenty. Slovar’-spravochnik* [*Dostoevsky: Works. Letters. Documents. Handbook Dictionary*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 111–116. (In Russ.)

12. Zhivolupova, N.V. “Telesnost’ v khudozhestvennoi antropologii Dostoevskogo” [“Corporeality in Dostoevsky’s Artistic Anthropology”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Al’manakh*, no. 2, 1994, pp. 75–96. (In Russ.)

13. Zhivolupova, N.V. “Transformatsiia motiva ‘Podrazhaniia Khristu’ v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo 60-kh godov (‘Skvernyi anekdot’, ‘Zapiski iz podpol’ia’, ‘Krokodil’)” [“The Transformation of the Motif of ‘Imitating Christ’ in Fyodor Dostoevsky’s Works of the 1860s (‘A Nasty Anecdote’, *Notes from Underground*, ‘The Crocodile’)”]. *Dostoevskii i sovremennost’. Materialy VIII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 1993* [*Dostoevsky and Contemporary Age. Proceedings from the 7th International Readings in Staraya Russa 1993*]. Novgorod, 1994, pp. 121–130. (In Russ.)

14. Zakharov, V.N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo (tipologiia i poetika)* [*The System of Genres in Dostoevsky (Typology and Poetics)*]. Leningrad, Izdatel’stvo Leningradskogo universiteta Publ., 1985. 209 p. (In Russ.)

15. Ledebur, K.F. *Puteshestvie po Altaiskim goram i dzhungarskoi Kirgizskoi stepi* [*The Journey on the Altai Mountains and the Dzungarian Steppes of the Kirghiz*]. Trans. from German. Novosibirsk, VO “Nauka”, Sibirskaia izdatel’skaia firma Publ., 1994. 415 p. (In Russ.)

16. Semenov Tian’-Shan’skii, P.P. *Puteshestvie v Tian’-Shan’* [*The Journey in Tien-Shan*]. Moscow, Iurait Publ., 2018. 223 p. (In Russ.)

17. Safronova, E.Iu. “Problema pravovogo zhizneteksta F.M. Dostoevskogo: delo s P.A. Karpeninym” [“The Problem of Fyodor Dostoevsky’s Legal Vital Text: The Case of P.A. Karepin”]. *Kul’tura i tekst*, no. 3, 2016, pp. 29–43. (In Russ.)

18. Tikhomirov, B.N. “Kommentarii” [“Comments”]. Dostoevskii, F.M. *Malaia proza. Kniga vtoraia: Skvernyi anekdot; Krokodil; Vechnyi muzh; Bobok; Krotkaia; Son smeshnogo cheloveka; Triton* [*Small Prose. Book two: An Unpleasant Predicament, The Crocodile, The Eternal Husband, Bobok, A Gentle Creature, The Dream of a Ridiculous Man, Triton*]. Comm. by B.N. Tikhomirov; Ill. A.A. Dzhigirei. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2019, pp. 385–434. (In Russ.)

19. Tikhomirov, B.N. “Takoi raznyi Dostoevskii” [“Such a Different Dostoevsky”]. Dostoevskii, F.M. *Malaia proza. Kniga vtoraia: Skvernyi anekdot; Krokodil; Vechnyi muzh; Bobok; Krotkaia; Son smeshnogo cheloveka; Triton* [*Small Prose. Book two: An Unpleasant Predicament, The Crocodile, The Eternal Husband, Bobok, A Gentle Creature, The Dream of a Ridiculous Man, Triton*]. Comm. by B.N. Tikhomirov; Ill. A.A. Dzhigirei. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2019, pp. 435-532. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.06.2024
Одобрена после рецензирования: 20.07.2024
Дата публикации: 25.12.2024

The article was submitted: 23 June 2024
Approved after reviewing: 20 July 2024
Date of publication: 25 Dec. 2024